

Встрѣчи и столкновенія.

Л. Н. Толстой.

Впроизошло мое столкновение съ нимъ по слѣдующему поводу. Марксъ приобрѣлъ у Толстого право перваго печатанія его романа за полистный гонораръ (самъ авторъ затруднялся въ точности опредѣлить размѣры своего романа), далеко превышавшій гонораръ, когда-нибудь уплаченный за такое большое произведеніе писателю русскимъ издателемъ. Но что значило право перваго печатанія? Кажется, на этотъ счетъ сомнѣнія быть не могло, а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что мы съ Марксомъ не уяснили себѣ точнаго значенія этого термина, т. е. того, за что собственно уплачивался цѣлый капиталъ.

Предполагалось, что „Нива“ отпечатаетъ романъ, и что затѣмъ онъ станетъ общественнымъ достояніемъ, такъ какъ Толстой отказался отъ права собственности на произведенія, написанная имъ послѣ 1881 г. Въ сущности, значить, дѣло сводилось къ тому, что „Воскресеніе“ появится въ „Нивѣ“ раньше, чѣмъ въ другихъ современныхъ изданіяхъ, но насколько раньше—это не могло быть опредѣлено, потому что не было извѣстно, сколько времени продолжится его печатаніе въ самой „Нивѣ“ тѣмъ болѣе, что романъ самимъ авторомъ не былъ оконченъ или окончательно обработанъ. Во всякомъ случаѣ одно было ясно: романъ не долженъ былъ появиться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ“, потому

что въ противномъ случаѣ не за что было платить деньги, да еще такія значительныя.

Но какъ только „Нива“ приступила къ печатанію, тотчасъ же выяснилось, что мы живемъ въ „странѣ неожиданностей“: „Воскресеніе“ стало появляться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ“. Я имѣю въ виду не то, что эти изданія начали перепечатывать ромацъ, не выжидая его окончанія, т. е. тотчасъ по появленіи отдѣльныхъ главъ въ „Нивѣ“; я хочу сказать, что отдѣльныя главы появились въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ самой „Нивѣ“.

Чтобы понять этотъ повидимому неправдоподобный фактъ, надо знать технику печатанія журналовъ. При тогдашнемъ огромномъ тиражѣ „Нивы“ на отпечатаніе всего количества экземпляровъ требовалось не мало времени, особенно если нежелательно было прибѣгать къ ночнымъ работамъ, которыя обходятся гораздо дороже. Вслѣдствіе того, что даже самыя усовершенствованныя машины (ротационныя) могли печатать въ часъ не болѣе 3.000—5.000 экз. съ иллюстраціями, а экземпляровъ газеты 10.000—30.000, номеръ „Нивы“ получался позже, чѣмъ номеръ газеты. Я самъ, живя на примѣрѣ въ Крыму, получалъ „Ниву“ на 7—9 день, а соотвѣтственный номеръ газеты на 3—5 день. Другими словами номеръ газеты съ перепечаткою романа Толстого получался во многихъ мѣстахъ значительно раньше номера самой „Нивы“. Такимъ образомъ оказывалось, что деньги за право перваго печатанія были уплачены даромъ.

Конечно, это не могло бы случиться, если бы русскіе издатели и редакторы были по большей части (ну какъ бы мягче выразиться?)—люди.. щепетильные въ вопросахъ чужой собственности. Но въ данномъ случаѣ это предположеніе не оправдалось, и такимъ образомъ „Воскресеніе“ появлялось во многихъ изданіяхъ гораздо раньше, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ номерѣ „Нивы“.

Какъ только это положеніе дѣль выяснилось, я съѣздила къ Толстому въ Москву, увѣренный, что онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы оградить интересы довѣреннаго мнѣ журнала, такъ какъ онъ конечно не согласится нарушить простого правила чести, не позволяющаго брать большія деньги за мнимыя услуги или за вещь мало стоящую.

Я пріѣхалъ къ Толстому не во время. Лакей во фракѣ и въ перчаткахъ доложилъ мнѣ, что „его сіятельство изволятъ почивать послѣ обѣда“, но что „вечеркомъ они меня вѣроятно примутъ“. Оставивъ карточку, я и заѣхалъ вечеромъ и дѣйствительно былъ немедленно принятъ. Софія Андреевна въ то время была больна и, сколько помню, въ Москвѣ не находилась.

Я не стану передавать моего длиннаго разговора съ Толстымъ, потому что не обладаю завидною памятью людей, которые по прошествіи многихъ лѣтъ могутъ передавать слово въ слово свою бесѣду съ знаменитостями. Но ходъ бесѣды я твердо помню и нѣкоторыя фразы Толстого тогда же записалъ. Все это здѣсь и изложу, отмѣтивъ вкратцѣ, какое впечатлѣніе на меня лично произвела наружность знаменитаго писателя.

Я зналъ, что увижу 70-лѣтняго старца чусто-русскаго облика, въ русской рубахѣ, некрасиваго (недаромъ Толстой уже въ молодости приходилъ въ отчаяніе отъ своего „широкаго носа, толстыхъ губъ и маленькихъ сѣрыхъ глазъ“), и тѣмъ не менѣе, когда я его увидѣлъ воочию, я внутренно не могъ не воскликнуть: „да онъ настоящій мужичекъ!“ и добавить, уловивъ выраженіе его глазъ: „и мужичекъ себѣ на умѣ“. Когда я по приглашенію Толстого сѣлъ и выразилъ ему сожалѣніе, что мнѣ по цензурнымъ условіямъ приходится кое-что вычеркивать изъ его романа, Толстой воскликнулъ:

— Странно! Первый мой цензоръ былъ Ростиславъ и послѣдній мой цензоръ опять Ростиславъ.

Я понялъ, что онъ намекаетъ на извѣстнаго Ростислава Фадѣева и на меня, и мнѣ очень хотѣлось спросить Толстого, какую изъ его вещей, напечатанныхъ въ 1852 г., собственно цензировалъ или просматривалъ герой сраженій при Башкадыкларѣ и Курукдарѣ, когда русскіе еще умѣли побѣждать втрое сильнѣйшаго врага (18.000 русскихъ разбили 60.000 турокъ), и знаменитаго автора „Вооруженныхъ силъ Россіи“, но я отъ этого воздержался, зная, что занятой человѣкъ дорожитъ временемъ. Между тѣмъ для біографіи Толстого было бы очень интересно выяснить, какія отношенія существовали между Толстымъ и Фадѣевымъ, съ которымъ онъ могъ встрѣчаться на Кавказѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Я прямо приступилъ къ изложенію своего дѣла. Но Толстой меня слушалъ такъ сказать однимъ ухомъ, и когда я уже готовъ былъ формулировать мою просьбу, онъ вдругъ совершенно неожиданно прерывалъ меня комплиментами, отъ которыхъ, помню, мнѣ становилось очень неловко. Такъ въ первый разъ онъ меня прервалъ замѣчаніемъ, что я—цензоръ очень искусный. „Выкинете одно-два слова—антъ, смотришь:—спасли цѣлую страницу“—пояснилъ онъ, лукаво улыбаясь, и началъ приводить нѣкоторыя примѣры. Я слушалъ Толстого съ большимъ интересомъ. Меня поражала ясность его ума и то, какъ онъ великолѣпно понималъ цензурныя требованія: хоть прямо посади его редакторомъ газеты или журнала и положи на него, какъ на каменную гору—не подведетъ. Я эту мысль и высказалъ Толстому. Онъ разсмѣялся.

— Нашли цензора,—возразилъ онъ.—Тутъ нужна политика. А какой я политикъ—правду люблю.

Я опять вернулся къ дѣлу. Но Толстой снова не далъ мнѣ договорить, замѣтивъ что онъ—постоянный мой читатель, во многомъ мнѣ сочувствуетъ, но во многомъ со мною и не соглашается, и началъ разсуждать о служебной роли искусства по поводу моей критики на его статью: „Что такое искусство?“ Я понятно не возражалъ. Прошло уже около часа, и я рѣшился наконецъ прямо попросить Толстого положить конецъ недобросовѣстности издателей. Тутъ Толстой меня спросилъ, чего же я собственно хочу? Я ему пояснилъ, что романъ—его собственность, и что поэтому онъ одинъ можетъ рѣшительно воспротивиться его перепечатыванію. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что готовъ помѣстить въ „Нивѣ“ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ письмо, въ которомъ онъ попроситъ не перепечатывать его романа до его окончанія и выяснитъ фальшивое положеніе, въ которое его ставятъ по отношенію къ издателю „Нивы“ лица, перепечатывающія его романъ. Я только что хотѣлъ возразить, что такое письмо врядъ-ли къ чему-нибудь приведетъ, какъ Толстой всталъ, схватился руками за спину и воскликнулъ:

— Ахъ, если бы вы знали, какая ужасная болѣзнь—старость!

Я освѣдомился о состояніи его здоровья. Онъ снова сѣлъ и началъ распространяться о цѣломъ рядѣ болѣзненныхъ ощущеній, которыхъ онъ раньше никогда не испытывалъ, а теперь испытываетъ все чаще и чаще. Я далъ ему высказаться во всѣхъ подробностяхъ и опять вернулся къ дѣлу, сказавъ, что только судебные скорпіоны могутъ заставить нѣкоторыхъ издателей воздержаться отъ перепечатыванія. Толстой мнѣ возразилъ, что я, можетъ быть, и правъ, но что онъ не можетъ дѣйствовать сообща съ „Нивою“ въ этомъ дѣлѣ. „Во-первыхъ,—сказалъ онъ:—всякій судъ мнѣ противень, а во-вторыхъ—это значило бы до нѣкоторой степени признать мое право собственности на произведенія, написанныя послѣ 1881 г., а я отъ этого права отказался и слову моему ни живой, ни мертвый не измѣню“.

— Не настаивайте, пожалуйста,—прибавилъ онъ.

Я, дѣйствительно, болѣе не настаивалъ, щадя спокойствіе знаменитаго писателя, и уѣхалъ. Журналы и газеты продолжали перепечатывать романъ, а мы съ Марксомъ молчали, уважая безкорыстіе писателя, отказавшагося отъ значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, и утѣшаясь тѣмъ, что не нарушили подъ старость его покоя.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ я вспомнилъ энергичную фигуру Толстого и внушительный его тонъ, когда онъ меня увѣрялъ, что навсегда отказался отъ права собственности на сочиненія, написанныя послѣ

1881 г., вспомнилъ по поводу его духовнаго завѣщанія и невольно спросилъ себя, чему же вѣрить: тогдашнему его заявленію или теперешнему завѣщанію? Примирить ихъ, къ сожалѣнію, не было возможности.

С. П. Боткинъ.

Это было въ 1871 г. Я тогда сильно заболѣлъ, работая по 14 часовъ въ день. Печаталъ ученый трудъ, читалъ лекціи государственнаго права, готовился къ магистерскому экзамену. Мой домашній врачъ, милѣйшій Д. Н. Шульговскій, не зналъ, чѣмъ мнѣ помочь, посоветовалъ консиліумъ и привезъ мнѣ Боткина. Добросовѣстность знаменитаго діагноста, помню, меня поразила. Что онъ только не продѣлывалъ со мною въ теченіе часа: постукивалъ, выслушивалъ, клалъ на спину, клалъ и на животъ, кололъ и острымъ, и тупымъ концомъ булавки, заставлялъ бѣгать по комнатѣ, ходить съ закрытыми глазами по половицѣ, спрашивалъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни, очень интересовался моими родителями и родственниками какъ въ восходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, заставлялъ меня смотрѣть себѣ то на лобъ, то на подбородокъ, а я конечно продѣлывалъ все это очень добросовѣстно, потому что вѣрилъ въ непогрѣшимость его приговора, вѣрилъ, что причина моей болѣзни будетъ раскрыта и устранена.

Наконецъ, вогнавъ меня въ седьмой потъ, онъ повидимому самъ усталъ и вмѣстѣ съ Шульговскимъ удалился въ другую комнату. Тамъ они долго совѣщались, и затѣмъ Боткинъ мнѣ сообщилъ, что надо уѣхать изъ Петербурга, лучше всего на родину, заниматься, отнюдь не утомляясь, физическимъ трудомъ, а отъ умственной работы совершенно отказаться и что тогда, быть можетъ, я поправлюсь. Я его поблагодарилъ и хотѣлъ вручить ему 25 рублей (эту цифру назначилъ Шульговскій, какъ установленную для боткинскихъ консиліумовъ того времени), но Сергій Петровичъ рѣшительно отказался ихъ принять, какъ онъ выразился, отъ коллеги, т. е. отъ профессора, словомъ очаровалъ меня своею добросовѣстностью и любезностью.

Но больше всего меня конечно интересовала моя болѣзнь. Изъ совѣтовъ Боткина я уже видѣлъ, что болѣзнь у меня серьезная, но я все-таки не зналъ, чѣмъ собственно страдаю. Просвѣтилъ меня на этотъ счетъ Шульговскій: Боткинъ у меня нашелъ болѣзнь мозжечка. Впоследствии выяснилось, что онъ домашнимъ въ при-

существованіи же Шульговскаго прямо заявилъ, что я могу еще протянуть годика два-три, но для этого непременно долженъ отказаться отъ всякой умственной работы. Можно себя представить, какъ этотъ суровый приговоръ долженъ былъ сразить близкихъ мнѣ людей. Горе и страхъ, ими извѣданные, были тѣмъ болѣе жестоки, что... послѣ этого приговора я въ теченіе сорока лѣтъ усиленно работалъ головой и не только не умеръ, но живъ до сихъ поръ. Много требовалось самоувѣренности, чтобы въ такой темной области, какъ болѣзни мозжечка, произнести рѣшительный приговоръ тѣмъ болѣе, что и болѣзни-то мозжечка никакой не было. На это мнѣ тогда же указалъ пользовавшій меня неоднократно скромный врачъ Югансонъ, рѣшительно заявившій, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ въ томъ, что у меня болѣзнь мозжечка. И дѣйствительно, я съ полгода отдохнулъ въ Швейцаріи и вернулся въ Россію сравнительно здоровымъ.

Самоувѣренность Боткина сказалась и въ знаменитомъ инцидентѣ съ Наумомъ Прокофьевымъ. Когда въ Петербургѣ разнеслась вѣсть, что Боткинъ открылъ въ своей клиникѣ чумнаго больного, переполохъ произошелъ всеобщій. Это было въ 1878 г. Чума появилась тогда сперва въ Ветлянкѣ, а затѣмъ и въ Черноярскомъ уѣздѣ. Прошло 50 лѣтъ со времени послѣдней чумной эпидеміи въ Европѣ, и вдругъ азіатская гостыя опять пожаловала. Можно себя представить, какъ всѣ испугались. Паника была такъ велика, что наши бумаги стремительно упали, а это грозило дальнѣйшимъ разстройствомъ нашихъ финансовъ, уже и безъ того сильно пострадавшихъ отъ только-что оконченной войны съ Турціей.

Я былъ въ то время друженъ съ однимъ изъ ординаторовъ Боткина, и онъ мнѣ разказалъ, что, присутствуя при изслѣдованіи Наума Прокофьева, рѣшился высказать свое сужденіе, прямо заявивъ Боткину, что бубоны у дворника не чумные, а сифилитическіе. Боткинъ вспылилъ и рѣзко ему отвѣтилъ, что онъ, Боткинъ — не ученикъ, а учитель, и что учиться не ему, а другимъ. Вслѣдъ затѣмъ однако и такой опытный врачъ, какъ профессоръ Н. Ф. Здекауэръ, подтвердилъ, что у Наума Прокофьева просто люэсъ. Такимъ образомъ о появленіи чумы въ Петербургѣ не могло быть и рѣчи, и для меня окончательно выяснилось, что либо Боткинъ страдаетъ невѣроятнымъ самолюбіемъ, не позволяющимъ ему сознаться въ своей ошибкѣ, либо тутъ замѣшана политика, т. е. желаніе напугать правительство и заставить его принять рѣшительныя мѣры для очистки нашихъ городовъ и деревень. Эта послѣдняя мысль находила себя подтвержденіе и въ словахъ многочисленныхъ друзей Боткина, которые съ таинствен-

нымъ видомъ намекали на то, что дѣло конечно не въ ошибкѣ, а въ желаніи добиться улучшенія санитарныхъ условій Россіи, а можетъ быть и чего-нибудь поважнѣе (разумѣй: дальнѣйшаго ослабленія правительства, позиція котораго была уже такъ сильно поколеблена берлинскимъ конгрессомъ). Словомъ, получился какъ бы одинъ изъ первыхъ симптомовъ позднѣйшей тактики одной изъ политическихъ партій и при томъ необыкновенно глупый, потому что нельзя было ослабить правительство выдуманнымъ случаемъ появленія чумы въ Петербургѣ, а іезуитское правило, что въ политикѣ все дозволено: и обманъ, и ложь невольно вызвало во всякомъ честномъ человѣкѣ чувство гадливости. Все это я изложилъ въ тогдашнихъ моихъ газетныхъ статьяхъ, и на этой почвѣ разыгралось мое столкновеніе съ Боткинымъ.

Для самого Боткина однако случай съ Наумомъ Прокофьевымъ прошелъ безнаказанно. Одни дѣйствительно усмотрѣли въ его грубой ошибкѣ шахматный ходъ, другіе простили ему эту ошибку въ виду его заслугъ—словомъ, дѣло обошлось для него благополучно, и онъ еще болѣе десяти лѣтъ пользовался и славой выдающагося діагноста, и всѣмъ, что съ нею связано.

А. П. Пыпинъ.

Стоило только взглянуть на Александра Николаевича при первой съ нимъ встрѣчѣ, чтобы воскликнуть: „Вотъ типъ мягкаго, добраго человѣка!“ И тѣмъ не менѣе у меня было съ нимъ столкновеніе, правда, мимолетное, но было. Когда? На рубежѣ XIX и XX в.

Вотъ какъ произошло это торжественное событіе. Мы засѣдали вмѣстѣ въ одномъ изъ учрежденій, милостиво надѣляющихъ литературную братію пенсіями, пособіями, а то и вспоможеніями на рождественскаго гуся. Да, надъ этимъ „рождественскимъ гусемъ“ принято смѣяться, а между тѣмъ онъ представляетъ очень печальный фактъ. Значительная сумма, которою располагаютъ благотворительныя литературныя учрежденія, достигающая ежегодно 90.000 р., расходуется по мелочамъ (раздаются пособія въ 3 и даже 2 рубля), а когда надо придти на помощь настоящему литератору, то средствъ обыкновенно недостаетъ, и ассигнуются пенсіи, которыхъ не хватило бы на прокормленіе мелкаго чиновника и даже простого рабочаго. Пенсіи заслуженнаго стараго литератора обыкновенно, вдвое, втрое, а то и въ четверо меньше жалованія какого-нибудь подпоручика. И все это происходитъ вслѣдствіе необычайной отзывчивости или доброты лицъ, вершающихъ дѣла о пособіяхъ или пенсіяхъ. Если ихъ разжалобить судьба человѣка, они тотчасъ спѣшатъ

ему на помощь, и такимъ образомъ по мелочамъ расходятся суммы, которыя при другихъ обстоятельствахъ вполне могли бы удовлетворить нужду истинныхъ литературныхъ работниковъ. Вотъ на этой-то почвѣ и произошло мое столкновение съ Александромъ Николаевичемъ.

Изъ собранныхъ мною свѣдѣній выяснилось, что литераторы, не имѣющіе почти никакого литературнаго ценза, получаютъ пенсіи; получаютъ пенсіи и литераторы, зарабатывающіе отъ 2—4.000 рублей въ годъ, и что родственники знаменитыхъ поэтовъ тоже получаютъ пенсіи почти высшаго оклада, несмотря на то, что у нихъ въ Петербургѣ доходные каменные дома. Все это меня такъ удивило, что я не могъ не высказаться по этому поводу. Фактъ, что люди съ значительнымъ литературнымъ заработкомъ получаютъ пенсіи, какъ будто нѣсколько смутилъ добрейшаго Александра Николаевича, но все-таки онъ нашелъ для нихъ какое-то извиненіе и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы желая усилить свою аргументацію, которая ему самому очевидно не казалась достаточно убѣдительною, рѣшительно возсталъ противъ моей мысли, что домовладѣлецъ можетъ обойтись безъ пенсіи.

— Да что такое петербургскій домовладѣлецъ въ настоящее время?—возразилъ онъ.—По большей части—простою управляющій, не получающій иногда даже жалованья.

Я конечно не оспаривалъ Александра Николаевича и рискнулъ только замѣтить, что человѣкъ, имѣющій доходный каменный домъ, все-таки обезпеченнѣе человѣка, не имѣющаго дома. Родственница знаменитаго поэта была лишена пенсіи и очень сѣтовала на это, рѣшительно недоумѣвая, откуда теперь брать ежемѣсячно 40 рублей на булавки дочери, а добрейшій Александръ Николаевичъ мягко упрекалъ меня за то, что я такъ неумолимъ къ людямъ съ недостаточнымъ литературнымъ цензомъ, къ заслуженнымъ, но обезпеченнымъ литераторамъ и къ племянникамъ знаменитыхъ поэтовъ.

Р. Сементковскій.

